

18+

БОРИС АЛЕКСЕЕВ

КОЛИЧЕСТВО ЖИЗНИ

ДНЕВНИК ОЧЕВИДЦА

Борис Алексеев
Количество жизни.
Дневник очевидца

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65552277
ISBN 9785794908725*

Аннотация

«Количество жизни» – повесть автобиографическая, иными словами, «хрестоматия» человеческой жизни. А ведь, изучая судьбы других людей, мы можем отыскать бесценные подсказки для понимания собственных житейских проблем. Главный герой повести, преуспевающий физик Егор Дивеев, решает изменить жизнь и стать художником. Он бросает налаженный быт учёного и заново строит жизнь, надеясь только на свои руки и любовь к искусству. Хватит ли у него сил доказать миру и самому себе правоту своего решения?

Содержание

КОЛИЧЕСТВО ЖИЗНИ	6
Марианские впадины и звёздные дыры духовных метаморфоз	7
ЧАСТЬ 1. Лети, голубок!	13
Предисловие	13
1. Пробуждение	16
2. Прощай, физика!	25
3. Ни слова упрёка	30
4. Житейские перестановки	33
5. Первая встреча	37
6. Айрумка Марина 3	40
7. «Нехорошая» сакля	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Количество жизни

Дневник очевидца

Борис Алексеев

Благодарности:

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"

Директор издательства: Бояринова О.В.

Руководитель проекта: Крючкова А.А.

Редактор: Петрушин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Крушинина В.А.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 16+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Elegance

ISBN 978-5-7949-0872-5

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

2-ой этаж, каб. 4

Мы издаём книги авторов,
пишущих на русском языке

в XXI веке

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

Будем рады

сотрудничеству с новыми авторами!

© Борис Алексеев, 2022

ISBN 978-5-7949-0872-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОЛИЧЕСТВО ЖИЗНИ

Считается: для того, чтобы постичь секреты математики, надо зубрить таблицу умножения, запоминать дурацкие теоремы, аксиомы и правила, а чтобы познать смысл собственной жизни достаточно житейской интуиции и опыта совершенных ошибок. Причём ошибок должно быть как можно меньше. Почему? Ведь если к жизни относиться с чувством ответственности («чтобы не было мучительно больно...»), то следует признать: жизнь – наука, как любая другая отрасль знаний. Не так ли? И вообще, разве можно научиться какой-либо науке без учебников?

«Количество жизни» – это литературная биография человека, иными словами, учебник (хрестоматия) человеческой жизни.

Кто-то скажет: «У всех судьбы разные. Как бы хорош учебник ни был, он не может стать для всех».

Да, мы привыкли подмечать различия. Но если подойти к «проблеме обучения» с другой стороны, то окажется, что львиная доля наших биографических различий – это как раз то, что всех нас объединяет! Поэтому открыть тайну человеческой судьбы – значит, собрать бесценный материал для познания смысла собственной жизни. Размышляя о этом, автор и написал эту книгу.

Марианские впадины и звёздные дыры духовных метаморфоз

Уже столько копий сломано в попытке определить, что же главное в художественном тексте: сюжет или проза. Предпочтения разнятся. Самые дальновидные уверяют: должна быть гармония всех составляющих. А вот уже если рассматривать важнейшие составляющие в сюжете, то тут особых разночтений не обнаруживается. Сюжет должен быть не просто «линейным», с отображением некой череды событий, но и обязательно внутренне нагруженным: нести в себе и сверхидею, и смыслокреативные находки... А главное – обязательно должен вскрывать метаморфозы внутренней психологической организации описываемых героев, генезис их самоощущения, восприятия себя в мире.

Незатейливые литературные квесты-бродилки, где герой представляет собой лишь некий «чёрный ящик», вокруг которого наворачиваются яркие слои однотипных приключений, возможны лишь в низкопробных литературных поделках, типа нескончаемых вторичных «фантастик и фэнтези».

Нынешний искушённый читатель требует от автора предоставления безоговорочной возможности погружения в глубины психических состояний лирического героя, предоставление карт-бланша на со-ощущения и со-чувство-

вания всех тонких психических перипетий, происходящих в человеческой душе.

Всегда интересно наблюдать за происходящими с героем внутренними метаморфозами. Возможно, этот тот процесс, которые и сам читатель страстно бы желал иметь в себе, но в силу разных причин откладывает до лучших времён. Интеллектуальная литература, тонко чувствующая малейшие нюансы внутренних состояний человека – всегда была недостижима для тех, кто не относит себя к «любителям рефлексий» (в отличие от обычной, описательной, ставящей цель исключительно «прокоротать» – читай: убить! – время за незатейливым чтивом). Думаю, вдумчивому читателю не может не понравиться повесть «Количество жизни» Бориса Алексеева. И, прежде всего, не только общим философским настроением (заявленная «метафизика бытия» рассматривается автором с совершенно с неожиданных сторон!). Но, главное, тщательным описанием процесса метаморфоз внутреннего мира лирического героя.

Как биологическая единица тот не претерпевает видимых изменений: героя не бросают в жуткие условия тюрьмы или в пекло военных действий, с ним не происходят фатальные несчастные случаи, он не «подсаживается на наркотики». И даже не встречается со столь ожидаемыми по затёрто-расхожим сюжетам предательствами или обстоятельствами непреодолимой силы (типа катастроф, революций, эпидемий и прочего «надрывного антуража»). Даже любовные

увлечения не дают того непомерно раздутого изменяющего реальность эффекта (что столь модно ныне в нескончаемых томах т.н. «романтической прозы»). Но при этом главный герой повести, Егор Дивеев, проходит захватывающе интересный путь душевных (а главное – духовных!) трансформаций.

При этом генезис его духовных исканий берёт начало в ставшем уже классическим противостоянии «физиков и лириков»: но только не как непримиримых антагонистов, а как взаимодополняющих друг друга подходов в осмыслении Бытия...

Вначале повествования Егор – «крепкий физик». Работает на практике в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова («Курчатнике», как его именуют сами сотрудники). Лелеет И тут важно, что не происходит ничего «условно непредвиденного» – того, что могло бы «извне» побудить героя переосмыслить принятый им вектор постижения мира. Успешно защищён диплом, состоялось зачисление в штат «Курчатника», без пяти минут получено место в вожаденной аспирантуре. Казалось бы – впереди блестящие профессиональные перспективы! Но что-то свербит в душе будущего «взламывателя ядер материи». Он не может забыть, что ещё до начала увлечения математикой в старших школьных классах, всё детство увлечённо рисовал: на обоях, на асфальте – везде, где только удавалось маленькому художнику. *«романтические надежды на возможность прикоснуться к атомной тайне бытия».*

Часто уверяют, что заложенное в детстве (Богом, Мирозданием, собственным «высшим Я»?) никогда и никуда затем не пропадает, а в той или иной форме будет проявляться всю жизнь.

Егор Дивеев не бросает работу физика-атомщика, но начинает всё больше и больше времени посвящать рисованию. Вначале это просто ни к чему не обязывающее хобби. Мать Егора снисходительно отмечает: Но вскоре зародившийся «лирик» вдохновенно берёт верх над «физиком». Несостоявшийся физик Дивеев вдруг решительно собирается ! Именно с этой отправной точки и начинается долгий процесс постижения себя. Сначала – через рядового работника в мастерской по шлифовке литографических камней. (Автор отмечает, что Егор Как не назвать подобный выбор судьбоносным?) *«Пусть порисует... авось, само пройдёт...» «отредактировать собственную линию жизни маркером высокого искусства» «добровольно... прыгнул с ухаживенного круизного лайнера «Академик И. В. Курчатов» в маленькую грязную комнатёнку для шлифовки пудовых литографских камней...».*

А дальше – больше. Возможно, в какой-нибудь другой жизни приобщение к миру художественной богемы и обозначало бы конец дальнейших внутренних исканий, но только не в повести «Количество жизни». Здесь заявленное «количество» неумолимо (пусть и не сразу, а исподволь, шаг за шагом!) переходит в «качество».

Не хочется раскрывать весь сюжет (чтобы не упрекнули в том, что сейчас именуют модным словечком «спойлер»). Но любовная тема повести неуклонно ведёт героя на путь духовного самосовершенствования. *«Так, в пригородной электричке „Москва – Кашира“ при температуре минус девятнадцать градусов по Цельсию побежал божественный клубок и потянулась от него ниточка их первого духовного путешествия».*

А духовное путешествие – это уже особый жанр. Зачастую его едва ли выразишь словами! И уже на этой стезе герою повести (как и читателю!) предстоит встреча с иконописцем Венедиктом, что двадцать последних лет вдохновенно пишет образа. А затем с матушкой Иулианией и другими подвижниками Духа.

И вот уже новая метаморфоза – в музыке, которой он увлекался ещё со школы: А затем – путь в Соловецкий монастырь. Попытки решить Беззаветное увлечение новой романтикой – романтикой иконописного ремесла. Благословение отца Антония... Встреча с настоящим христианским чудом... Даже не хочется больше ничего тут расписывать: чтобы ненароком не помешать читателю самому встретиться на страницах повести с настоящим чудом. Чудом душевных и духовных метаморфоз. Уверен, тут лучше всего оставить автора один на один с благодарным читателем. *«Битлз, Пинк Флойд, музыка подростковых десятилетий уступили место Афонским песнопениям. А Валаамский знамен-*

ный распев стал его насущным «музыкальным чтивом». «... дилемму: кем является Бог: источником творческого вдохновения или просто любви?»

Ну, разве что, трудно не привести фрагмент из заключительной части повести. Который, считаю, очень хорошо характеризует и авторский замысел, и ту «художественную сверхзадачу», что автор решает в процессе повествования.

«Мы исследуем Марианские впадины, заглядываем в звёздные дыры и в то же время редко совершаем случайные открытия на расстоянии вытянутой руки. Разглядывая ветхий имидж Адама, мы настраиваем приборы на бесконечность и попадаем в ловушку псевдознаний. Тех знаний, у которых нет с нами никаких связей, кроме нашего воображения о них. Мы пытаемся в духовных и физических исследованиях добраться до самого Бога. Но так как расстояние до Бога равно или нулю (случай редкий), или бесконечности, мы описываем Его всегда воображаемо, исходя из прикладных потребностей. Если бы мы действительно мечтали познать устройство Вселенной, то трепетно примечали признаки Божьего бытия в малом и порою едва заметном...»

И здесь едва ли что можно к этому добавить!

Дмитрий Силкан,

ответственный секретарь Творческого объединения поэтов, секретарь Правления МГО Союза писателей России

ЧАСТЬ 1. Лети, голубок!

Предисловие

Если размеренную повседневную жизнь представить как затишье перед боем, многое начинает видеться по-другому. Утлая вереница будней обретает сакральный накопительный смысл!

– Вымысел! – крикнет поборник распорядка.

– А вот и нет! Согласно Основному закону философии (закону перехода количества в качество) всякая перемена к лучшему (или к худшему) вызвана накоплением некоей критической массы. Так?

– Ну-у, так...

– Если долгое время среда пребывает в покое и не разрешается каким-либо превращением (катаклизмом, боем), она заболачивается и переходит в режим самоуничтожения – *Natura abhorret vacuum*. Так? ¹

– Допустим, так.

– Остаётся одно – будем внимательны: тихие струи бытия таят в себе многие проблемы!

– Почему?

¹ *Природа не терпит пустоты (Аристотель).*

– Да потому, что так устроена метафизика бытия: слово «задарма» оплачивается дважды!

И ещё.

Стабильность обладает гипнотическим воздействием. Она успокаивает, расслабляет и обнуляет наши врождённые способности к вариативному мышлению. Поэтому выжить в философской «междоусобице» между накопленным количеством и новым качеством нелегко и не каждому по силам!

Животным проще. Их защищает инстинкт самосохранения. Именно он заставляет лягушку, попавшую в банку с молоком, не взвешивать шансы на выживание, но яростно вытаптывать под собой «коровий прибыток». Вытаптывать его до тех пор, пока в банке не образуется твёрдое масло.

А человек? Будет ли он, попав в беду, совершать бессмысленные на вид действия, услышит ли он голос своего инстинкта самосохранения? Вряд ли. Скорее всего, скажет: «Фатум! Возникли обстоятельства непреодолимой силы».

И лишь немногие, собрав волю в кулак, пойдут в атаку на редут непреодолимых обстоятельств и, быть может, взметнут над головой противника знамя победы.

А может, и не взметнут. Сражённые стрелами врага, они упадут в сырую землю и погибнут как победители. Да-да, как победители! Потому что никакие обстоятельства не смогли заставить их отказаться от штурма.

Вы усмехнётесь: «А если в банке из-под молока окажется простая вода, что тогда станет с лягушкой?»

Отвечу: «Не знаю», но утверждать: «Наверняка утонет» – не буду.

* * *

1. Пробуждение

Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова (или попросту «Курчатник») в 70-е годы прошлого века разительно отличался от прочих секретных заведений демократичностью внутреннего распорядка. Основатель института, один из «отцов» советской атомной бомбы, Игорь Васильевич Курчатов ввёл правило свободного начала и окончания работы. Он приветствовал, если физики после обеда часок-другой поиграют в волейбол или на теннисных кортах погоняют мячик.

Даже благоустройство ведомственной территории Игорь Васильевич решил просто и гениально: распорядился не планировать заранее никаких внутренних делений, а подождать, пока учёная братия сама определит удобные ей направления. И только через пару месяцев, когда стриженные газоны украсили протоптанные сотрудниками дорожки, примятую травку обложили бордюром и заасфальтировали.

Кафедра общей экспериментальной физики Московского инженерно-физического института распределила Егора Дивеева в «Курчатник» на преддипломную практику. Мягкая рабочая дисциплина, контролируемая только совестью учёного и научным результатом, пришлась Егору по душе. Повезло и с научным руководителем практики. Игорь Сергеевич Слесарев, талантливый теоретик и обаятельный человек,

повёл юношу в чертоги последних самых смелых теоретических разработок.

С точки зрения фундаментальной науки это было романтическое время! Курчатовский институт приобрёл первую советскую быстродействующую ЭВМ (БЭСМ-6). Этот полупроводниковый реликт (быстродействие порядка миллиона операций в секунду) буквально взорвал методологию традиционного физического расчёта. Учёная братия признала восхитительную БЭСМ-6 музой всех своих физических открытий и творческих инноваций. Забыв про волейбол и теннис, физики спешили в свои лаборатории и там, отгородившись многометровыми лентами распечаток от мирских интересов и соблазнов, анализировали ошибки, выявленные электронным корректором, и строчили новые программные алгоритмы.

Будучи от природы человеком увлекающимся, Егор воспринял «Курчатник» как ответственный подарок судьбы и с головой ушёл в работу. Но произошло нечто, изменившее всю его жизнь.

Много позже, пытаясь разобраться в причинах, побудивших линию судьбы так круто изменить своё направление, Егор размышлял о законе внезапного перехода количества в качество. Однако, анализируя курчатовские годы, полные романтических надежд на возможность прикоснуться к атомной тайне бытия, он не находил даже отзвука будущей метаморфозы, ставшей смыслом всей его дальнейшей жизни.

ни.

Как-то утром Егор проснулся в сильном волнении. Наскоро одевшись, он выпорхнул в прихожую и стал торопливо собираться в институт. Он даже не прикоснулся к завтраку, оставленному на кухне его замечательной заботливой мамой.

– Так, конспект по последней гидровакуумной прослушке, методичка Слесарева. Так, а где распечатка последней версии программы? Ага, вот она...

Затолкав атрибуты дня в новенький, недавно купленный кейс, Гоша направился к двери и...

Он почувствовал, что его ноги налились свинцом и буквально вросли в пол. Что за ерунда! Молодой человек привычным окриком «стеганул» их, как норовистых пристяжных, – бесполезно, ноги не слушались.

«Так, – юноша присел на табурет, – будем разбираться». В то время, как его мозг, подобно восхитительной БЭСМ-6, производил миллионы операций в секунду, выясняя причину интеллектуально-двигательного паралича, глаза бесцельно бродили под потолком. Вдруг они увидели нечто.

«Это что такое?» На полке для головных уборов, среди шапок и шляп, лежала увесистая книга. Вспомнил! Мишка занёс неделю назад. «На, – сказал, – почитай. Сила!» Гоша встал и подошёл к полке. Винсент Ван Гог, «Письма к брату Тео». Ну и что такого? Он раскрыл книгу на произвольной странице...

Когда вечером пришла с работы мама, она застала сына, свернувшегося калачиком на табурете с раскрытой книгой в руках.

– Егорушка, что ты читаешь? – поинтересовалась она. – Ты ел?

– Мама, это что-то! – кое-как ответил Гоша, не отрывая глаза от чтения.

– Ого, кажется, ты не ходил в свой «Курчатник»? – мама взглянула на ботинки, нетронутые осенней распутицей, присела на фамильный сундучок возле двери и внимательно посмотрела на сына.

– Мама, – Гоша прикрыл книгу и заложил пальцем страницу, – скажи, я ведь рисовал когда-то?

– Да, Егорушка. Другие мальчишки читали, гуляли, а ты – рисовал. Я не успевала переклеивать обои, ты рисовал везде и на всём. Асфальт вокруг нашего дома ты исчертил мелом так, что все соседи смеялись: «Растёт художник!»

– А потом?

– Потом, уже в пятом классе, карандаш выпал из твоих рук. Ты увлёкся музыкой, через два года бросил музыку и влюбился в математику. Вот так.

– Да, это я помню...

Остаток вечера Гоша задумчиво бродил по квартире, подолгу перебирал старые фотографии и поглядывал сквозь чернеющее окно на первые ночные звёзды. Мать с долей тревоги наблюдала за ним, но в разговоры не вовлекала. «Прой-

дёт, — думала она, — скоро диплом, он мальчик ответственный, сосредоточится».

Наутро Егор проснулся затемно. Включил лампу и вновь погрузился в чтение книги. Тем временем рассвело. Мама погромела на кухне и ушла на работу. Почитав какое-то время, Гоша посмотрел на часы, буркнул самому себе: «Пора!», отложил книгу, оделся и вышел из дома, не выпив даже чашки кофе.

На соседней улице недавно открылся художественный салон. Его туда неделю назад затащила Ленка, милая сокурсница, предмет его романтических иллюзий. «Хочу, чтобы ты выбрал мне изящный подарок!» — заявила она. Гоша припомнил, как дрогнуло его сердце, когда они проходили вдоль прилавка с красками. «Ну, что ты тут застрял?» — Лена потянула его вперёд к антикварному отделу. Ей пришлось даже прилюдно поцеловать Гошу, чтобы собрать его развалившееся внимание.

Никакого антиквариата они не купили, уж очень кусались цены, а когда вышли из салона, от Ленкиной болтовни у Гоши всё смешалось в голове. Он забыл льняной запах масляной краски, изящные на длинных черенках кисти и прочую художественную мелочь, которая так очаровала его там, в таинственном лабиринте салона...

И сегодня Гоша шёл, почти бежал, к заветному прилавку. Салон открылся буквально перед его приходом, посетителей было немного. Казалось, все они забрели в салон непред-

намеренно – кто-то погреться, а кто-то просто от нечего делать.

Порыскав глазами и обогнув пару витрин с помпезным антиквариатом, Гоша учуял запах скипидара и через пару секунд впорхнул в отдел художественных принадлежностей. Впрочем, глагол «впорхнул» не точен. Правильнее сказать – вломился, ведь медведи не летают, а неуклюжая торопливость Гоши явно походила на повадки проснувшегося по весне таёжного великана.

Затаив дыхание, юноша подошёл к мольбертам, расставленным округ витрины, и тронул рукой лощёное дерево. Неожиданно он ощутил горячее жжение в глазах, неловко зарылся в воротник пальто и отошёл в сторону.

Что-то глубоко личное, роящееся в тайниках его подсознания, вдруг выплеснулось наружу и брызнуло из глаз горячим потоком неизъяснимого наслаждения. Подобного наслаждения, искрящегося на кончиках нежнейших чувств и ассоциаций, он не испытывал никогда, даже в моменты физиологической близости с возлюбленной Ленкой.

Когда волна внезапного чувства схлынула, Гоша сосредоточился и вторично подошёл к прилавку.

На витрине под стеклом лежали таинственные, как египетские мумии, тюбики с масляными красками.

– Вам что-нибудь показать? – спросила девушка-продавец, с улыбкой наблюдая угловатые движения смущённого посетителя.

– Я хочу написать картину, – ответил Гоша. – Дайте мне краски.

– А в какой технике вы работаете? – девушка снисходительно прикрыла улыбку ладошкой.

– Я?.. – Гоша попытался улыбнуться в ответ, но мимика его не слушалась. – Не знаю, что со мной. В детстве я рисовал. Но прошло столько лет! Вчера захотел рисовать снова. Не смейтесь, товарищ девушка, мне не до смеха.

Девушка спрятала улыбку и принялась рассказывать Гоше, какие бывают краски. Почему одни из них можно разводить водой, а для других нужны специальные растворители.

Гоша ловил слова девушки, не дыша. Ни одну лекцию в институте он не слушал так внимательно, как этот скромный художественный ликбез.

– Вы что-нибудь запомнили? – рассмеялась девушка.

– О, да! – ответ Гоши прозвучал, как хлопок воздушного шара.

– Тогда забирайте!

Она торжественно вручила ему набор масляных красок, изящную овальную палитру из фанеры, растворитель-пинен и немного щетинных кистей для первого знакомства с живописью. Ещё Гоша набрал разных холстов и грунтованных картонов. На мольберт денег не хватило.

– Желаю удачи! – напутствовала девушка и подумала про себя: «Он хороший...»

Домой наш герой вернулся предельно счастливый. С по-

рога позвонил в «Курчатник» приятелю и бессовестно наврал, что заболел, и чтобы сегодня его не ждали.

Скинув в прихожей пальто, не разуваясь, Гоша вбежал в гостиную. Он тотчас вывалил содержимое сумки на диван и, как скупой пушкинский рыцарь, стал рассматривать свои приобретения! Перенюхав все тюбики с краской, перетрогав щетину новеньких очаровательных кистей, Гоша призадумался: «Что бы такое написать?»

Оглядывая гостиную, он заметил на серванте небольшую картонную иконку. Это была любимая икона его бабушки. «А что, ничего, простенько и со вкусом!» О том, кто изображён на иконе, Гоша не имел ни малейшего понятия. Бабушка что-то рассказывала, но по юности лет он не слушал. Мама была убеждённой комсомолкой. Отец работал водителем, вечно в разъездах. Кто он, каких мыслей был человек, Гоша не узнал до самой смерти родителя. Иконка выполняла ритуальную функцию – напоминая о доброй бабе Насте, почившей вслед за отцом год назад.

Гоша снял образ с серванта и поставил перед собой, прилонив к заварному чайнику. На картонной репродукции был изображён образ Пресвятой Богородицы с Божественным Сыном на коленях.

Что-то похожее он уже видел, листая альбомы по европейской архитектуре. Но теперь, всматриваясь в икону, Гоша обратил внимание, что фигура и лицо Божьей Матери были написаны совсем по-другому, чем на знакомых ему альбом-

ных репродукциях. Эту нехитрую картонную иконку рисовал как будто ребёнок.

Упрощённый, по-детски непропорциональный контур, аппликативность цветовых переходов. Раньше он этого не замечал. Но странное дело. Ему хотелось нарисовать именно её, и не потому, что все альбомные Мадонны казались куда более сложными для копирования. Держать в руках бабушкину святыньку Гоше было почему-то приятно.

Так будущий церковный художник из всего многообразия окружающего мира выбрал для первого живописного опыта потёртую временем икону древнего канонического письма.

* * *

* * *

2. Прощай, физика!

Через год Егор защитил диплом и был официально принят в штат Курчатовского института. Игорь Сергеевич Слесарев, его научный руководитель по преддипломной практике, прочил Дивееву место в аспирантуре. Казалось, успешное будущее молодого учёного неотвратимо, как утренний восход солнца. И никто из друзей и сослуживцев не догадывался о том, что имидж талантливого физика давно стал той потёмкинской деревней, за которой Гоша скрывал новый трепетный интерес к жизни.

Мама снисходительно журила сына за поздние возвращения домой. Она всё более примечала увлечение Егора рисованием, но рассуждала так: «У человека должно быть хобби. Пусть Егорушка порисует, авось само и пройдёт».

Один раз Гоша попробовал поделиться с матерью сомнениями. «Мам, может, мне бросить физику и пойти в художники?» – как бы невзначай спросил он за ужином. Мама обмерла, отставила тарелку и ответила: «Я тогда, наверное, умру». Гоша постарался обратить в шутку свой неловкий вопрос. Мама даже улыбнулась. Очень кстати задымился в духовке пригоревший пирог. Мама бросилась пирог спасать, и неприятный разговор оборвался сам собой. С того дня сын подобных разговоров не заводил, а на вопросы мамы отвечал: всё хорошо, в Курчатнике им довольны.

Женщина на время успокаивалась и, опасаясь размолвки (не дай бог!), старалась не замечать, как всё более меняется её сын.

Ночи напролёт штудирова рисунок, Гоша стал регулярно опаздывать на работу. Но и это полбеды. Пару часов помелькав в лаборатории (засветив присутствие), он под первым благовидным предлогом исчезал в проходной и бежал в изостудию.

Так прошла зима. Всё разрешилось по-весеннему, само собой. Руководитель изостудии, которую исправно посещал Гоша, добряк и первостатейный график-офортист Щелконогов Борис Андреевич, без труда разгадал тайные намерения своего усердного ученика.

Понимая, что творческую личность во многом делает среда обитания, он предложил Гоше вакансию шлифовщика литографских камней в старейшей в Москве литографской студии на Масловке.

Надо сказать, этому предложению предшествовали долгие раздумья маститого художника. Имеет ли он право тревожить налаженное благополучие молодого учёного? Что, если увлечение рисованием окажется для Егора лишь временным хобби? Ведь так легко сломать прутик, ещё не превратившийся в крепкий ствол дерева.

Однако упорство, с которым Егор вгрызался в плоть изобразительного дела, склонило осторожное суждение Бориса Андреевича к решению: «Пусть попробует».

За день до объявления Егору о вакансии шлифовщика Борис Андреевич здорово напился. «Может, зря я это задумал? – повторял он, принимая на грудь очередную порцию армянского коньяка. – Да, Егорка сильный, способный, даже очень способный, но он не однолюб. Сейчас он любит художество и решил стать художником. И ведь станет, этакий самозванец! И в Союз художников вступит, и уважать себя заставит! Но вот ведь какое дело. Художество для Егора – это лишь способ извлечения прелести, не более. Такие могут жить и без живописи. Начитаются Ван Гога, и чуются им первородные смыслы! А Винсент-то, отними у него краски, на второй день или с ума сойдёт, или застрелится. Егор не таков. Потоскует с недельку, а потом выдумает себе новую творилку для души – с него станется. Музыкой займётся или стихи писать начнёт – ему же всё по плечу! Вот ведь какое дело!..» – рассуждал мудрый Андреич, подливая коньячок.

Учитель понимал, что здорово рискует, причём не своей жизнью, а чужой. Именно это обстоятельство мучило его до физической боли в груди. Но потерять ученика он не решил и на другой день рассказал Егору про литографскую студию. Закончил Борис Андреевич словами:

«Помни, Егор, поломать жизнь легко. Я знаю, через пять-шесть лет ты действительно станешь художником. Но парадокс в том, что художество никогда не станет главным смыслом твоей жизни, потому что художество глубже, чем ты, а ты шире, чем художество. Хорошенько подумай над мои-

ми словами. Ведь я предлагаю тебе, как написано в одной умной книге, „не мир, но меч“. Лезвие меча – штука обоюдоострая».

Читатель наверняка усмехнётся: «Ну что хорошего в шлифовке литографских камней? Работа тяжёлая, грязная, однообразная, низкооплачиваемая... О чём, собственно, речь?

Да, всё так, но есть одно «но». Литографская студия на Масловке – это творческая цитадель московской графической элиты. Лучшего места для того, чтобы отредактировать собственную линию жизни маркером высокого искусства, не придумать. И понятное дело, упускать такой шанс Гоша не стал. Подобно Ван Гогу он был готов заплатить любую цену из кошелька судьбы за возможность жить и трудиться в среде художников.

То, что он, молодой учёный с высшим образованием, перспективой и зарплатой сто пятьдесят рублей, переходит в разряд рабочих с окладом в девяносто рэ, Гошу не смущало совершенно. Его беспокоило другое. Как объявить об этом маме и как объяснить своё решение шефу, отеческим расположением которого Гоша трогательно дорожил.

Разговор со Слесаревым состоялся на следующий день. Игорь Сергеевич долго, внимательно разглядывал Гошу и потом сказал: «Второй раз начинать жизнь непросто, и не каждый на это может решиться. Ну да, Бог тебе судья, ступай и докажи, что ты прав».

Маме он решил пока ничего не говорить, да и что гово-

ритель, физику бросил, а художество сложится ли? Одно Гоша знал твёрдо – он поступает правильно.

Порой трудно объяснить другим то, что тебе самому кажется очевидным. Будто твоё сознание попало в вихрь основного закона философии! Как растолковать им (другим), наблюдавшим за тобой со стороны, что в самом тебе уже случилась волшебная перемена. И ты полон не прежним количеством «жизненного сырца», а новым качеством жизни!

Заговори Борис Андреевич о смене профессии пару лет назад, Егор покачал бы головой и наверняка не согласился. Но два года ежедневного рисования и раздумий об искусстве не прошли даром. В Гошином самосознании накопилось художество. Оно переполнило полушария ума и, разрушив привычный мир, вырвалось наружу. Предложи ему работу санитара в морге, чтобы иметь возможность по ночам тайно препарировать трупы и изучать анатомию, как это делал великий Микеланджело, он согласился бы и на это.

3. Ни слова упрёка

В литографской студии Гоша перезнакомился со всеми выдающимися московскими графиками того времени. Умница, верный советчик и отменный рисовальщик Александр Ливанов, весёлый, хмельной, невероятно талантливый художник книги Виктор Дувидов, элегантный, с неизменной бабочкой под подбородком, дивный график Вячеслав Павлов... Сердце Гошино замирало, созерцая великолепие литографской компании.

Печалило нашего героя лишь одно – отсутствие времени. С утра и до самого вечера он ворочал тяжёлые литографские камни и шлифовал протравленные коллоидным раствором рисунки. Работа не из лёгких! А после смены бежал в изостудию, рисовал, писал обнажёнку. Возвращался домой за полночь и бесстыдно врал встревоженной матери о том, что хорошо поработал в институтской библиотеке. Но...

«Шила в мешке не утаить», – так говорят мудрецы, по молодости лет пытавшиеся обмануть самих себя. Единственным человеком, кто знал о похождениях Гоши, была Ленка. Она клятвенно обещала никому ничего не рассказывать и практически полностью сдержала страшную клятву, открыв Гошину тайну только своим родителям.

Родители Лены видели в преуспевающем молодом физике хорошую партию для своей дочери. Узнав правду, они были

весьма огорчены. Отец, желая поделиться обидой (прескверная черта характера, говорящая о внутренней слабости), позвонил... Гошиной маме и, не мудрствуя и даже не подбирая слов утешения, выложил всё, как есть:

– Галина Георгиевна, дорогая, а вы знаете, что ваш Егор бросил Курчатовский институт, ушёл в какие-то разнорабочие? Нам Леночка рассказала. Мы с Людмилой так огорчены!

Это был удар. Отец звонил при дочери. Ленка рыдала, висла на руке отца, пытаясь отобрать трубку. Она поняла, что натворила непоправимое, но было поздно.

Когда Гоша, как всегда, к полуночи вернулся домой, он застал маму неподвижно лежащей на диване почти без признаков жизни. Слава Богу, в тот раз всё обошлось. «Скорая» приехала быстро. Маму откачали.

Лена с неделю «валялась у Гоши в ногах», вымаливая прощение за поступок отца. И, так как мама шла на поправку, Гоша повеселел, обнял свою Ленку и примирительно поцеловал её в щёчку.

Прошло две недели со дня приступа. Ни Гоша, ни мама не поднимали в разговорах тему новой работы. Сын старался во всём быть любящим и предупредительным. Мать оказывала сыну знаки материнского внимания и тепла. Но разговор назревал.

Как-то вечером Галина Георгиевна сказала:

– Сынок, поговори со мной.

– О чём, мама?

– Расскажи мне, кто ты теперь. Я постараюсь понять тебя.

Кровь ударила Гоше в голову. Он готовился к этому разговору, но чтобы так, вдруг...

Помолчав, он ответил:

– Мама, я очень виноват перед тобой. Я начал строить новую жизнь, а тебя с собой не позвал. Наверное, трудно меня понять. Порой я сам себя не понимаю. Знаю, что прав, что поступаю единственно верно, но это моя правда, она может не стать твоею. Прости, мама. «Благая ложь во спасение» не получилась.

– Ты говоришь мудро, это знак для меня, что ты не безрассуден, – задумчиво произнесла мама, – я положила жизнь на то, чтобы вырастить тебя и выучить. Не скрою, ты лишил меня ожидаемой радости. Выходит, я, как и ты, начинаю жизнь сначала, но сил моих прежних уже нет. Я теперь не помощница, а скорее обуза тебе. Так-то, сынок.

Гоша обнял мать. Они долго сидели, прижавшись друг к другу. Наконец, мама очнулась и, глядя Гошины вихры, тихо шепнула:

– Поступай, как знаешь, сынок. Я с тобой.

4. Житейские перестановки

Говорят, матросов-новобранцев учат плавать одним простым способом: их бросают за борт корабля в пенистые круговороты морской волны и командуют: «Плыви!». Иногда море штормит, и ритуал посвящения в «начальную мореходку» приобретает пасторально-трагический оттенок.

Что-то подобное выпало на долю Егора, когда он (заметьте, добровольно!) прыгнул с ухоженного круизного лайнера «Академик И. В. Курчатов» в маленькую грязную комнатёнку для шлифовки пудовых литографских камней.

Художники – люди интересные, но разные. И есть среди них не только милые Ливаны и Дувиды, но и всякая талантливо-спесивая сволочь, которая не упустит случая показать своё «творческое» превосходство над собратьями по труду.

Ох, как зачесались однажды у Гоши кулаки на одного такого чистоплюя! Сдержался. И правильно сделал. «Начинай исправлять мир с себя», – припомнил Гоша любимую бабушкину фразу. А Саша Ливанов, оказавшийся свидетелем стычки, подошёл к Егору со словами: «Запоминай: вы можете меня унижить, убить, надругаться над моим телом, но вы не можете причинить мне зла». И отошёл, полагая, что мудрость невозможно объяснить иначе, как услышать сердцем. Гоша услышал.

В один из вечеров литографская гуляла. Праздновали

приём в Союз художников шестерых выпускников Суриковки. Кто-то принёс гитару. Выпили, заговорили об искусстве, ещё выпили, гитара пошла по кругу, дошла до Гоши. Поднастроив пару струн, он запел. Шумная компания притихла при первых же аккордах. Высокий потолок студии отражал гармонические переливы мягкого и глубокого голоса. Песня закончилась. С минуту в студии царило немое оцепенение. Потом все разом захлопали, закричали, бросились к Егору: «Старик, спой ещё!»

Перебирая события прошлых лет, автор почему-то не сообщил об одной весьма важной детали – склонности своего героя к песенному творчеству. Ещё в студенческие годы Гоша трогал сердца товарищей исполнением песен, записанных, как он «скромно» сообщал, «под диктовку Бога». Постепенно авторская песня, возникшая как некая забава молодости, превратилась в серьёзное творческое увлечение и стала спутницей всех его житейских похождений.

«И лишь гитара песню лет поёт вослед побед и бед!» – любил повторять Егор, отвечая на вопросы благодарных слушателей. В сочинении песен и коротких музыкальных баллад Гоша находил утешение переполнявшим его нереализованным и мятущимся силам, а в публичном исполнении песен со сцены или в кругу друзей – возможность «социально компенсировать» свою трепетную любовь к одиночеству.

Квартира, в которой Гоша жил вдвоём с мамой, представляла собой нормальную советскую трёхкомнатную «ба-

рахолку» с сервантом, книжным шкафом, стареньким пианино и т. д. Однако вскоре всё изменилось. Прихожая, заваленная подрамниками, старыми мольбертами, разбитыми в хлам этюдниками, уже не справлялась со своей основной функцией – встречать и провожать обитателей жилища.

Мама вздыхала, глядя на Гошину свалку, но молчала и даже с некоторым интересом отслеживала стремительные изменения их квартирного быта.

У Гоши была хорошая мама. Она полностью подчинила себя интересам сына. И сын это понимал. Одну комнату он полностью освободил от мебели. В центре стоял скульптурный станок, а в углу – вращающийся подиум для натуры. К Гоше приходили товарищи, рисовали углём, писали акварелью, маслом. Паркет был застелен оргалитом, и мама втайне надеялась, что когда-нибудь сын обзаведётся отдельной художественной мастерской, и тогда она вскроет оргалит и снова увидит любимый паркет, который выложил много лет назад собственноручно её отец, дед Егора.

– Мама, я поступил!

Гоша вбежал в квартиру и бросился к матери в объятья, попутно опрокинув в прихожей коробки с книгами по искусству.

Кстати, о книгах. На днях он получил огромную кипу книг в подарок от милой женщины, библиотекаря знаменитой библиотеки МОСХа. Зоя Михайловна сопровождала дар печальным напутствием: «Бери, Егорушка, тебе пригодится.

Нас больше нет...»

Исподволь наступали новые времена. Рушились отстоявшиеся полвека советские структуры. Незнакомое коммерческое вещество проникало в щели ветхих профессиональных построек и заполняло их внутреннее пространство. Так вода заполняет трюмы тонущего корабля, и огромный «Титаник» медленно исчезает в тёмной пучине времени.

– Мама, теперь я буду настоящим художником! – распевал на все лады Егор, пританцовывая перед матерью. Он напоминал библейского Давида, который не побоялся выйти на бой с великаном Голиафом. И тот же самый Давид по имени Гоша страдал комплексом неполноценности перед всяким художником, имевшим профессиональное образование.

Он читал и перечитывал письма Ван Гога. Однако при равенстве, так сказать, огненного начала, Егор отличался от собрата по творчеству застенчивостью, которая рождала гадкую неуверенность в собственных силах.

Теперь же, став студентом художественного института, через пять лет он защитит диплом и будет... настоящим художником! Гоша не знал, да и не мог знать, что судьба уже приготовила ему иное чередование событий.

* * *

* * *

5. Первая встреча

Как-то вечером Гоша раньше обычного возвращался домой и заметил среди сугробов заснеженного палисадника свет в небольшом полуподвальном окошке. Справа от окошка посверкивала крашенная в рыжий сурик дверь чёрного хода. В холодном свете уличных фонарей сурик походил на изысканный розовато-сиреневый тиюиндиго. Над чёрным входом была прибита скромная вывеска «Детская студия рисунка и скульптуры». ²

Гоше стало любопытно. Он приоткрыл дверь и увидел крутую уходящую вниз лестницу. Несмотря на полуподвальную обстановку, лестничный марш казался весьма ухоженным и явно не походил на спуск в царство угрюмой подвальной сантехники. «Неудобно как-то, – подумал Гоша, едва переступив порог, – впрочем...» Он ощутил внутренний призыв к действию, улыбнулся и, не раздумывая, уверенно зашагал вниз.

Через пару поворотов ступени закончились и перед ним открылось большое ярко освещенное помещение. «Уж не в сказку ли я попал?» – подумал Гоша, оглядывая высокие потолки старой котельной, переоборудованной под детскую студию.

Повсюду к стенам крепились самодельные стеллажи с сот-

² Тиюиндиго – краска на основе органического пигмента розового цвета.

нями детских поделок из глины и пластилина, а между ними были развешены рисунки и гипсовые пособия. Справа от входа, за столом, отгороженным от общего пространства ширмой, расписанной под китайскую акварель, сидела молодая женщина и читала.

Гоша застыл на пороге, размышляя, как ему поступить дальше. Женщина подняла голову, и он обомлел от милой красоты её лица.

– Здравствуйте, – доброжелательно произнесла женщина.

– Здравствуйте, – не сразу ответил Гоша, – ну... я пойду?

– Тогда, до свидания! – она улыбнулась.

– Я, это, мимо шёл, гляжу – свет горит, ну я и вошёл...

– Это я уже поняла. А вы кто?

– Гоша... Простите, Егор.

– Вы художник?

– Да, то есть нет. Учусь.

У автора сохранилась полная стенограмма того давнишнего разговора двух случайно встретившихся людей. Он мог бы приложить её как документальное «свидетельство о рождении» необычной и очень романтической истории. Но считается, что все истории подобного рода похожи друг на друга. В каком-нибудь учебнике по психологии подобный диалог наверняка описан как «типичный случай взаимного влечения полов».

И всё же, господа психоаналитики, в нашей нетипичной

истории «дедушке Фрейду» делать нечего! Одному Богу известно, как происходят подобные сердечные метаморфозы.

Да-да, именно метаморфозы! Ведь сколько людей ежедневно идут навстречу друг другу. Идут и проходят мимо. Значит, кто-то руководит ими, озаряет или оставляет равнодушными...

Короче говоря, неистовый чернец от искусства Егор и милая хозяйка скульптурной мастерской Марина стали встречаться. Их взаимная симпатия, первоначально возникшая на ниве художества, через пару недель переросла в настойчивое желание ежедневно видеть друг друга, обо всём думать вместе и в конце концов существовать вместе как две необходимые друг для друга половинки.

Ленка, чувствуя неладное, искала повод объясниться. Но неожиданно влюбилась в преуспевающего, как бы сейчас сказали, мальчика-мажора и вскоре забыла своего ненадёжного, перепачканного красками Гошу.

6. Айрумка Марина ³

Та-ак! Сюжетная линия повести обнаружила новую и довольно симпатичную героиню – что ж, давайте разбираться.

Марина окончила художественный институт им. Сурикова. Наделённая от природы редким по красоте и своеобразию пластическим талантом, она выделялась на фоне сверстников ещё в художественной школе.

В блистательной «Суриковке» Марина была зачислена в мастерскую замечательного советского скульптора Михаила Фёдоровича Бабурина. Понимая степень одарённости юной ученицы, Михаил Фёдорович старался не нарушать её природное видение формы, сводя роль учителя к амплу ненавязчивого информатора о премудростях профессии.

Умный был человек Михаил Фёдорович, понимал: кому даны от Бога особенные дары, тот может существовать в профессии только как особенная творческая личность. К тайнам ремесла не следует относиться как к догме. Порой масштаб личности не ложится на «логарифмы» профессии.

Ещё великий Пушкин в «Маленьких трагедиях» горько высмеял стремление Сальери «алгеброй проверить гармонию». Перефразируя слова Александра Сергеевича, можно сказать: «Гармония не терпит квадратуры!»

³ – Айрумы – тюркское племя, этнографическая группа азербайджанцев, живущая на западе Азербайджана, в горной местности.

А вот Гоша понять этого не мог. Его напористый ум не осознавал жертвы, которую принимал на себя окружающий мир, уступая ему дорогу. Начинающему художнику казалось, что всё должно идти по плану. Сначала надо стать специалистом: окончить институт – научиться штудировать гипсы, как Брюллов, брать с палитры цвет, как Семирадский, и строить пространство, как Пикассо, – а уже потом приступить к творчеству. Согласитесь, ужасное заблуждение!

Но в чём-то он был прав. Становление художественного ремесла – «Аппиева дорога» к вершинам искусства. Посмотрите на рисунки импрессионистов – Моне, Дега, Писсарро, Ренуара, – кажется, всё тает и растворяется в цвете. Ан нет, всё, кроме рисунка!

Можно копнуть глубже. Кто не слышал о русских гениях-иконописцах Андрее Рублёве и Дионисии, которых не мы, а ещё те, мудрые древляне, величали «премудрыми». Если приглядеться, простота их иконописного рисунка – это сплав высокого рисовального мастерства и горней эстетики, понуждающей линию отрываться от земли и уходить в небо.

Иконопись – особое искусство. Пройдёт немного времени, и Егор прикоснётся к тайнам этого странного мастерства. Однако всему своё время. А пока, окрылённый примером неистового Ван Гога, наш герой шаг за шагом постигал художественное ремесло. Что ж, талант, отложенный на будущее, как отложенный платёж в бухгалтерии, не исчезает, но переносится.

Гоша влюбился в Марину с первого взгляда. Однако любимая женщина виделась ему не только красавицей, умницей и о-го-го какой художницей. Разум новоявленного воителя гармонии, алчущий победы над «супротивными обстоятельствами», воспринимал Марину как творческую высоту, за которой лежит его славный путь на Олимп искусства.

И хотя пластический кругозор молодой профессиональной художницы был цельнее и глубже Гошиных весьма разрозненных знаний об искусстве, данное обстоятельство нашего героя ничуть не смущало. Гоша шагал на Олимп неутомимо и по-житейски беззаботно. Когда же он обнаруживал незрелость в вопросах искусства, Марина становилась его справочником и надёжным суфлёром.

Гоша признавал авторитеты, но обо всём стремился иметь собственное мнение. Переубедить его мог только высокий авторитет или... Марина, умевшая подобрать слова, как ключи, к его творческому сознанию. Да-да, Марина, в отличие от Егора, умела считывать будущее и терпеливо прощала любимому человеку все его наивные беззакония.

Талантливые люди неуживчивы с окружающими, тем более друг с другом. За примерами далеко ходить не надо, гениальная парочка Ахматова и Гумилёв – весьма красноречивое тому подтверждение.

Однако высокий художественный талант не мешал Марине располагать к себе людей. Художники, слесари, физики, поэты – все в её присутствии преображались и, становясь

возвышенно деликатны, тянулись к ней как к роднику и источнику вдохновения.

Не стала исключением и милая азербайджанская семья Гасановых. Марина познакомилась с Гасановыми в Крыму, во время летней институтской практики.

По приглашению новых друзей художница несколько раз приезжала в Кировабад (ныне – Гянджа), гостила, путешествовала по горам в сопровождении главы семейства, профессора Кировабадского педагогического института почтенного Кафара Мамедовича и его русской жены Валентины Ивановны.

Итог дружеского визита в Азербайджан превзошёл все мыслимые ожидания! Очарованная гордой красотой гор и разочарованная московской толкотнёй людей и смыслов, Марина... купила дом в глуши горных перевалов, в ауле с «поэтическим» названием Кааз-Юлчу.

«Ай да Мариночка, ай да айрумка!» – радовался добродушный Кафар, пританцовывая в свои неполные шестьдесят два года.

Как-то срок очередного визита молодой художницы подошёл к концу, и Гасановы повезли Марину на железнодорожный вокзал. По пути неугомонный Кафар то и дело отвлекался от вождения и приветствовал проходящих словами:

– Слушай, дорогой, Марина едет в Москву ненадолго, только вещи соберёт и обратно!

– Кафар, прекрати сейчас же! – добродушно ворчала Ва-

лентина Ивановна. – Ты разобьёшь машину и нам сделаешь больно!

– Э-э, Валя, что ты говоришь! Как я могу причинить вам с Мариночкой боль! – Пристыженный Кафар втягивал шею в плечи и возвращался к управлению машиной. – Валюша, ты пойми одно: Тамерлан меня спросил: «Куда ты едешь?», я ему ответил: «На вокзал еду. Только и всего!»

Жители Кировабада, идущие навстречу, оказывались в большинстве своём либо кунаками Кафара Мамедовича, либо его верными друзьями. И каждый интересовался причиной столь «стремительного» передвижения по городу почтенного профессора. Поэтому, когда старенькая шестёрка, дымя и гремя подвеской, подъехала к стоянке железнодорожного вокзала, обнаружилось, что Марина едва ли не опоздала к отправлению поезда.

* * *

* * *

7. «Нехорошая» сакля

Егор и Марина познакомились в Новолетие, под самое Рождество. Как-то незаметно прошли холодные зимние месяцы, и наступила весна.

Несмотря на чарующую весеннюю амброзию, Марина была по-прежнему собрана и деловита, и только Егор на каждом их свидании вёл себя подобно Маугли, впервые увидевшего человека в образе женщины. Он размахивал руками, громко и довольно бессвязно говорил, рисовал на огромных листах картона, протирая угольной палочкой собственный рисунок до дыр, и всё время куда-то торопился.

Чтобы как-то отвлечь Гошу от весенней суматохи, Марина решила познакомить его со своим высокогорным приобретением. В мечтах она видела это так: они поднимаются вдвоём на вершину горы и там, между небом и землёй, она вручает любимому ключи от дома и собственного сердца как знак судьбы и высшей воли.

Что ж, мечтам девы не следует удивляться – присутствие сакральных сил ощущается гораздо натуральней среди сверкающих снеговиков Кавказа, чем в толчее московских дворики.

Кафар Мамедович встретил москвичей на вокзале. При первом же рукопожатии Егор произвёл на профессора неизгладимое впечатление. «Джигит! – воскликнул он, пытаясь

обнять широкоплечего москвича. – Ну, Маринушка, порадовала!»

Подхватив самую тяжёлую сумку, он повёл гостей к машине, где, опершись на капот и поджидая их, стояла Валентина Ивановна. На капоте поверх простенькой походной скатерти были расставлены несколько крохотных кастрюль с едой и большая глиняная тарелка с крупными кусками ароматного свежее испечённого хлеба. В центре на особой подставке возвышалась запотевшая бутылка красного домашнего вина.

Валентина Ивановна обняла Марину, улыбнулась и подала руку Егору.

– Мариночка сказывала о вас. Давайте знакомиться.

Слово «Мариночка» Валентина Ивановна произнесла с очевидным подтекстом: мы нашу Мариночку в обиду не дадим.

Тем временем Кафар наполнил вином четыре бокала. Один, в котором вино лишь прикрывало дно, он взял себе.

– Кафар Мамедович, а как же ГАИ? – улыбнулся Егор.

– ГАИ? – Кафар изобразил на лице удивление. – Какое ГАИ? А, ГАИ! Слушай, Егор, мы же не в Москве, наше ГАИ уважает законы гостеприимства. Разве я могу позволить гостю выпить моего вина, не отпив глоток первым?! Добрый ГАИ скажет мне: «Э-э, Кафар, ты не прав – плати штраф и впредь не обижай гостя!..

– Кафар, ну хватит, ей-богу! – взмолилась Валентина Ивановна. – Твои гости устали с дороги, пожалей ребят!

– За ваш дом в солнечном Кааз-Юлчу! – воскликнул сияющий Кафар. – И за вас, наши возлюбленные молодожёны!

Егор и Марина, не сговариваясь, уставились друг на друга. Брови на лице Егора поползли вверх, а у Марины сдвинулись к переносице...

– Кафар Мамедович, мы не расписаны, – поджав губки, выговорила Марина.

Ей стало неловко при мысли, что тот, кого все принимают за мужа, вовсе не муж. И вообще, пойдёт Егор под венец – кто знает? Художник, он человек особенный – его не высчитаешь.

В одно мгновение в памяти Марины пронеслись институтские годы. Кто только не сватался к ней! Она же в надежде встретить того единственного, о котором ждала подсказки от Бога, отказала всем. И вот Господь привёл, поставил рядом невесть кого: в профессии – неуч, по характеру – горделивый замарашка, да ещё неучливый ухажёр и самовлюблённый трудоголик! Но Бог сказал: «Это он». Что тут прикажешь делать?..

– Ой, Мариночка, что с тобой? – закудаhtала Валентина Ивановна, заметив, как по лицу девушки пробежало серое облачко. – Вот видишь, Кафар, как ты неаккуратен в словах. Разве так можно?

– А я бы женился, честное слово! – улыбнулся Егор, обнимая Марину.

– За это и выпьем!

Кафар поднял бокал и слегка отвернул голову в сторону.

– Кафар, Кафар, не плачь, улыбнись, дорогой! – шепнула Валентина Ивановна на ухо мужу, поспешно вставая между ним и «молодожёнами».

Прихватив из дома туристические вещи и продукты, необходимые для беззаботного отдыха двух московских романтиков, чета Гасановых подвезла ребят прямо к воротам заветного глиняного особняка.

Кафар помог выгрузить багаж, обнял хозяйку, пожал руку Егору и, взяв с ребят обещание через неделю непременно вернуться в Кировабад, повёл Валентину Ивановну к машине. И через пару минут его боевая шестёрка скрылась за поворотом каменистой насыпи, взметнув редующее облако пыли в сладкую тишину наступающего вечера.

Вечер в горах! Егор запомнил его на всю жизнь. Бывать в горной местности нашему герою уже приходилось. Лет пять назад судьба забросила его в составе студенческого стройотряда в жемчужину Кабардино-Балкарии – Приэльбрусье, в ущелье Адыр-Су. Там же, кстати, чуть не лишила жизни (но это отдельная история).

Отряд исправно трудился в ущелье на дорожных работах. Однако за несколько недель до возвращения в Москву «студенческая республика» по разным причинам распалась на три отдельные бригады. В составе одной из них Гоша оказался на Эльбрусе.

Представьте: горный склон, высота три тысячи метров.

Над обрывом высится, подобно крымскому Ласточкиному гнезду, павильон туристической канатной дороги – станция «Старый кругозор». Вокруг потрясающие виды на уходящие за горизонт горные хребты.

Метрах в двадцати от подъёмника врос в землю и колышется на ветру, как осенний лист, небольшой убогий сарай, оборудованный двухъярусными кроватями для пришлых искателей приключений. Вот в нём-то и поселилась бригада студентов, которой было поручено устанавливать столбы, иначе говоря, электрифицировать расположенный в километре вверх по склону «Приют одиннадцати», последнее высокогорное пристанище человека на пути к вершине.

Возле одной из стен сарая застыло в молчании небольшое кладбище разбившихся альпинистов.

Засыпаешь в облаке и просыпаешься в облаке. В ясный день слепнешь от сверкающего на солнце снега, особенно от изумрудных переливов ледника, сползающего по склону в страшную километровую пропасть.

И хотя Гоша был отменный любитель помериться силой с непредвиденными обстоятельствами, любоваться по ночам звёздным великолепием и при этом помнить: один неверный шаг в сторону, и... не получалось.

Но теперь рядом с любимой девушкой кавказские звёзды виделись ему близкими и манящими. Казалось, протяни руку – и целое созвездие, как спелая гроздь винограда, коснётся твоей ладони!..

Утром следующего дня, хорошенько выспавшись, наши путешественники отправились в горы. Трудно передать словами внутренний восторг, когда ты поднимаешься на вершину горы по каменистому серпантину и, достигнув высоты, неспешно, как по чешуйчатой спине дракона, уходишь в облако!..

Весь день ребята бродили по горам, пили леденящий губы жидкий хрусталь из ручейков с мраморными берегами, дарили друг другу облака и только под вечер, припомнив наставление заботливого Кафара: «В горах темнеет сразу!», стали спускаться с горного перешейка.

Попутав в наступающих сумерках тропинки, они вошли в аул с противоположной незнакомой им стороны. В ряду разбросанных по склону глиняных домишек Гоша различил крохотный сельский магазинчик, лепившийся к сакле, крытой подгнившей соломой. Продольную стену сакли украшала вереница маленьких оконцев, затянутых вместо стёкол то ли бычьим пузырьём, то ли вставленными кусочками горного хрусталя. Над крыльцом красовалась в качестве вывески репродукция голландского натюрморта с обилием еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.